

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

СИБИРСКАЯ АМАЗОНКА

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 Сибирская амазонка : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-186695-2

Они появляются внезапно и внезапно исчезают. Черные плащи, капюшоны с красной каймой, горячие лошади, бьющие без промаха карабины, меткие стрелы... Никто не говорит вслух об этих людях, живущих где-то в глухой тайге, боясь накликать беду. Ратники Веры — так называют их. Самая отчаянная из них, таинственная девушка по имени Евпраксия, все чаще стала появляться там, куда приехал Алексей Поляков — агент сысской полиции. Он пытается найти след украденных у известного коллекционера древних церковных книг, но все попытки выяснить хоть что-либо пресекаются. Нет сомнения — Евпраксия и ее братья по вере как-то причастны к исчезновению книг. Но проникнуть за завесу суровой тайны, которой окружили себя Ратники Веры, пока не представляется возможным...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мельникова И., 2023
© Оформление.
ISBN 978-5-04-186695-2 ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

— И ты поверил, что Тартищев уйдет в отставку? — Иван Вавилов тщательно обсосал куриную косточку и отложил ее на тарелку. — Да нет, боже мой! На моем веку подобных заявлений случалось уже раз пять. Я, конечно, не хочу сказать, что Михалыч делал это понарошку, чтобы на всякий случай обеспечить себе достойное отступление. Нет, все, что он ни скажет, вполне искренне. Но заметь, как он быстро забывает о своих угрозах, стоит только нам жулика хлопнуть. И начальство ему об этом старается не напоминать, потому как и Хворостьянов, и Батьянов знают, лучше Тартищева никто наши помойные делишки не разгребал и в ближайшем будущем разгребать не будет.

— Но зато Желтовский напомнил, — улыбнулся Алексей и потрогал скулу, с которой еще не сошла желтизна старого синяка — след столкновения с чрезмерно прытким репортером. — Потребовал с Федора Михайловича ящик шампанского. Помнишь, он и впрямь про это заикался, тогда, в кабинете у Тартищева, когда околоточный задержал их вместе с Куроедовым? Кажется, предлагал пари заключить, что убийца непременно хочет помешать открытию нового театра.

— А ты, что ж, от Желтка другого ожидал? Я бы подобных наглецов на верстовых столбах за язык вешал, чтобы неповадно было всякие непотребства болтать. — Вавилов

вытер салфеткой губы и откинулся на стуле с довольным видом, словно после отлично выполненного дела. — Вспомни, как он в газете задержание суфлера расписал? Про Тартищева — два слова, про нас с тобой и вовсе едва упомянул, все больше про то распинался, как не позволил Гузееву на жертву броситься. Ему врать, как спать! Щелкопер долбаный!

— Дался тебе этот Желток! Не о чем больше говорить, что ли? — Алексей жестом подозвал полового в белой с вышивкой косоворотке и велел подавать чай. И вновь повернулся к приятелю, который благодушно задымил папиросой, привычно окидывая трактирный зал взглядом.

Время вечерних посетителей еще не наступило, поэтому было много незанятых столиков. Все это казалось непривычным для них и странным. И не мудрено. Сегодня они, редкий случай, позволили себе пообедать на чистой половине трактира «Три сосны», известного своей кухней и хорошими винами. И даже не взглядывали поминутно на часы, потому что впервые оказались здесь не по служебным делам. С сегодняшнего дня они числились в отпуске. И это было особенно приятно по той простой причине, что Тартищев расщедрился и подписал приказ аж на три недели отдыха. Правда, посоветовал им скрыться с глаз долой, иначе он не выдержит соблазна и отзовет их раньше времени в случае очередного громкого преступления.

Конечно, они никак не ожидали столь царского подарка от начальства. Отпуск в начале лета! Три недели! И вдвоем! Последнее обстоятельство и вовсе ввергло их в состояние щенячьего восторга, но после, поразмыслив чуток, они поняли, что Тартищев свое возьмет с лихвой. В августе и в сентябре в Североеланске пройдут сразу несколько ярмарок, на которые, помимо купцов и покупателей, по обычаю, съедется масса воря и жуликов всех мастей.

К тому же Савва Андреевич Булавин впервые в истории Сибири проводил выставку сельскохозяйственных орудий и машин, на которую пригласил нескольких знаменитых промышленников из Германии, Великобрита-

нии, Франции. Говорят, что даже из-за океана, из Североамериканских Штатов приедут два фабриканта, выпускавшие то ли какие-то чудо-плуги, то ли паровые мельницы.

Поскольку гости на выставку ожидалось из многих стран, в том числе из тех, в которых успешно работали отделения его Центрально-Азиатской компании, Савва Андреевич очень настойчиво попросил губернатора обеспечить надлежащий порядок на выставке и охрану его гостей. Просьбу быстро превратили в приказ, спустили по инстанции вниз, и в конце концов она стала причиной того, что Вавилова и Алексея отправили в отпуск летом. Тартищев заранее их предупредил, что в сентябре они возглавят летучий полицейский отряд, который будет пресекать в самом зародыше любые попытки местных жуликов и заезжих «гастролеров» испортить настроение гостям и их хозяевам.

— Нет, что ни говори, а славно летом отдохнуть! — Иван мечтательно уставился в потолок и пустил в него струю папиросного дыма. — Завтра сядем мы с тобой на пароход и ту-ту! Только нас Тартищев и видел!

— Смотри, сглазишь, — усмехнулся Алексей, — пока пароход от берега не отвалит, ни за что не поверю, что отпуск состоится. Федор Михайлович за пять минут до отхода может нас с борта снять, если случится что-то из ряда вон выходящее.

— И вправду лучше не зарекаться, — вздохнул Иван и потушил окурок о дно пепельницы. — Даже если пороги пройти успеем, он нас в Сорокине на пристани достанет. При условии, что верховых вовремя пошлет. После Сорокина сплошные горы вдоль реки пойдут, там уже дороги нет, и ему до нас не добраться.

Шустрый мальчонка в длинной полотняной рубаше — помощник полового — подал чай и пирожные и выложил несколько газет, которые по просьбе сыщиков только что купил у газетчика, торговавшего ими вразнос недалеко от трактира.

Первым делом Алексей развернул «Взор», и Иван, заметив это, скептически усмехнулся:

— Выходит, я тебя все же кое-чему научил. Помнишь, как я советовал? Начинать читать с самой поганой газетенки. В ее домислах и сплетнях нередко столько полезного обнаружишь! Вроде враки все, полнейший вздор... — Он засмеялся: — И то правда! Не «Взор», а «Вздор»! Надо бы Желтовскому подсказать, а то слишком жеманно его поносный листок называется. А «Вздор» — в самое яблочко! — Он посмотрел на пирожное и поморщился: — Что-то мы с тобой совсем по-барски расселись, Алешка! Пирожные лопаем, чаи гоняем! Того гляди, привыкнем отдыхать, а после ох как труднехонько будет к службе возвращаться.

Алексей рассмеялся:

— А мы еще и не отдыхали с тобой. — Он вытащил из кармана жилета часы и весело констатировал: — Всего-то два часа в отпуске, а ты уже забеспокоился, как к службе приступать будем. Смотри, точно накаркаешь, и завтра пароход отчалит без нас.

Иван в деланом испуге замахал руками.

— Все, все, молчу! — Но, отхлебнув пару глотков из чайной чашки, все же не выдержал и с сомнением в голосе произнес: — Не верю я, Алешка, и все тут, что наконец-то смогу с удочкой посидеть, на хариуса поохотиться, а то и таймешонка поймать. — Он склонил голову к уху приятеля и таинственно прошептал: — Знаешь, какая у меня мечта? Уже который год ее, как дитятю, вынашиваю? — Он обвел взглядом заговорщика зал, словно проверяя, не подслушивает ли кто. И когда Алексей навострил ухо, произнес и вовсе едва слышно: — Тайменя хочу поймать! С меня ростом! Говорят, на Кызыре и побольше водятся, чуть ли не с плоскодонку длиной.

— Тогда это уже не таймени, а крокодилы какие-то, — засмеялся Алексей, — и зубов у них, видать, не меньше, чем у акулы. Б-р-р! — Он повел плечами. — Какие страсти ты замышляешь, Иван? Лучше вон газетки почитай! В Америке подобный аллигатор двух фермеров в одночасье сожрал и не подавился.

— Все насмехаешься, да? — Иван с обидой посмотрел на Алексея. — А я вот намеренно газет читать не буду!

В отпуске я или нет? — Он отодвинул пустую чашку и тарелочку с крошками от пирожного и приказал половому: — Неси счет!

Пока Иван расплачивался, Алексей торопливо пробежал глазами газетные страницы, ничего стоящего внимания не обнаружил, поэтому быстро допил чай и поднялся из-за стола, не дожидаясь, пока приятель уличит его в чрезмерной медлительности. Он знал за собой такую слабость и старался не давать Ивану повода для очередного зубоскальства.

Они намеренно не взяли извозчика, ведь так приятно было пройтись по городу без определенной цели, без назойливой мысли, как убедительно составить рапорт, или отчитаться перед начальством за потраченные на доверенных людей деньги, или написать объяснение, почему жулик, за которым ты ходил целый день, улизнул от тебя самым непонятным образом. Тартищев любил ясность во всем и терпеть не мог подобных казусов. И особо не выносил, если проштрафившийся агент не признавал своей вины, сваливая всю ответственность на непредвиденные обстоятельства или, того хуже, на сослуживцев. С такими сотрудниками начальник уголовного сыска не слишком церемонился, расставался быстро и без всякого сожаления.

Приятели миновали несколько улиц и вышли к скверу возле здания нового театра, выстроенного Булавиным в подарок городу и в память примадонны Полины Муромцевой, погибшей от руки маньяка-убийцы в прошлом году.

Скверик был знаменит еще и тем, что рядом с ним располагался единственный в городе фонтан, возле которого не было стоянки извозчиков, поэтому в воздухе витали запахи свежескошенного газона и детские голоса. Ребятня визжала и хохотала, плескалась до одурения в крохотном бассейне, хотя вода в нем была ледяная и наполовину с мусором. Покрытые пупырышками тела, синие губы, перестук зубов — мальчишки, как воробьи, облепили чашу фонтана, пытаясь согреться под палящими лучами июньского солнца.

— Слышь-ка, Алеша, давай посидим в тенечке, — расслабленно произнес Иван. Его худое лицо сильно покраснелось. На лбу и носу выступили капельки пота. Он отдувался и беспрестанно вытирал пот носовым платком. Видно, давали о себе знать недавно выпитые пара стопок водки и горячий чай.

— Давай посидим, — покорно согласился Алексей. Ему и самому не слишком хотелось тащиться по пыльным, без малейшего присутствия зелени, улицам к управлению полиции за денежным содержанием и проездными документами, которые им обещали выдать к вечеру.

Мимо задумчиво продефилировал продавец сельтерской, а мороженщик принялся на все лады расхваливать свой товар. Его расписную тележку сразу облепила детвора с медяками в потных ладошках, а Иван в очередной раз приложился влажным платком ко лбу и пожаловался:

— Не выношу жару! По мне лучше мороз! От него хоть под шубой спрятаться можно, а от жары и в кустах не укроешься! — Он сердито посмотрел на небо. — И что ж это солнце так жарит? Лето не успело наступить, а, гляди, вся трава уже пожелтела. Скоро опять тайга полыхнет, как солома! — И вздохнул: — Никита, правда, сказывал, что в их краях подобной жары отродясь не бывает, и дожди в горах, почитай, каждый день идут.

Никита Шаньшин был атаманом казачьей станицы Пожарской и давним другом Ивана. Уже который год он приглашал Вавилова погостить в его краях, порыбачить или поохотиться, но Ивану все было недосуг: то Маша очередного сына рожала, то банда новая объявлялась, а то и с деньгами бывало туговато... Но в этот раз, кажется, все складывалось как нельзя удачно: Савва Андреевич на радостях, что убийца схвачен, а премьера в новом театре прошла успешно, лично вручил каждому сыщику, принявшему участие в поимке преступника, по двести рублей премии, да от губернатора досталось всем по сотне, да от Тартищева, как и обещал, по пятьдесят на брата.

Так что Иван неожиданно разбогател и по этой причине уговорил Машу отпустить его на пару недель из дома.

Жена скрепя сердце согласилась, и только по той причине, что ее неугомонный супруг сговорил себе в компаньоны Алексея Полякова. Его она считала воспитанным молодым человеком, не способным на дурные поступки. И умоляла Алексея не спускать глаз с ее Ивана, чтобы тот не встрял в какую-нибудь заварушку и вернулся домой живым и невредимым.

— Ты откуда Никиту знаешь? — спросил Алексей.

— А, это долгая история! — Иван вяло махнул рукой. — Лет пять или шесть назад мы с ним познакомились. Он своего старшего сына Гаврилу отправил в Североеланск по казачьим делам к наказному атаману, а попутно велел кое-какого товару прикупить. С Гаврюхой еще три конных станичника были, охрана, так сказать. Только они, как в город попали, про все на свете забыли. Остановились в номерах на Разгуляе, а там «деловые» заметили, что казачки при финажках, ну и началось! Девки срамные, катран... Словом, пришлось Гаврюхе в одних исподниках в окно сигать, а бандиты за ним в погоню, сапогами стучат, по матушке кроют, из револьвера палят... Загнали его на чердак, но он — парень здоровый, двух с крыши спустил, одному челюсть набок свернул... Драка исключительная получилась, только Гаврюхе так бы на чердаке и остаться, если бы дворник полицию не вызвал. Доставили всех в участок, разобрались что к чему. А я по делам туда заглянул, смотрю, сидит на полу детина с айдаром¹ на голове. Сам — косая сажень в плечах, руки в цепях, и слезы вперемешку с соплями по роже размазывает. Тут и выяснилось, что батя у него станичный атаман, в первый раз поручил ему серьезное дело, а он, вишь, не только деньги продул, но и бумаги важные в тех поганных номерах оставил. Словом, потерял Мартын отцов алтын, потому и сопли пускал.

— И, что ж, ты помог ему? Пожалел?

— Прямо пожалел, — скривился Иван, — я б ему рожу

¹ Айдар — круглая казачья стрижка.

начистил до самоварного блеска, если б допрыгнул до нее, конечно. Меня Сверчок разозлил. Огудала¹, каких свет не видел. От Валдая до Алтая слава по пятам за ним летает. Его и в реке топили, и горло резали, и спину ломали, а сколько раз на нож сажали за дела его поганые, то даже господу богу неизвестно. Кажется, все, пропал: кровью харкает, ноги не ходят... Нет, смотришь, отлежался на блатхате неделю-другую и опять за свое — лохов чesать. Я ему строго-настрого приказал из города убираться, а он у своей марухи пару месяцев отсиделся, рожу поперек себя шире наел и вновь во все тяжкие пустился. Только мне сразу шепнули, от чьих ручонок станичники пострадали. Взял я этого поганца прямо на катране, и загремел он у меня в Нарымские края ягель косить. До сих пор в тундре на вачуге² живет и аргишит³ помаленьку. К тому ж на тунгуске женился и прорву карымов⁴ народил.

— А бумаги вернули?

— И бумаги, и деньжата! Уехал казачок шибко довольный, все порывался мне в ноги упасть и сапоги облобызать. А месяца через три батя его заявился. Маше лисий салоп подарил, мне шапку бобровую, а еще сала, сохатины, окорок копченый приволок. Теперь каждый год без подарков не обходится. Говорит: «Ты не только мою честь спас, но и Гаврюхину». Дескать, через десяток-другой годков должен тот прийти на его место не замаранным.

— Смотри, кто это к нам пожаловал? — внезапно перебил его Алексей и кивнул головой на странный обоз, который выполз из-за угла и остановился возле недавно выстроенной гостиницы «Кандат».

Несколько телег с грузом, укрытым брезентом и тщательно перевязанным джутовыми веревками, десяток ло-

¹ Огудала — обманщик, плут (*диалект.*).

² Вачуга — стойбище.

³ Аргишит — то есть водит олени обозы.

⁴ Карым — ребенок от русского и тунгуски.

шадей с объемистыми тюками, в которых угадывались пехотные палатки, сопровождали больше дюжины верховых. Они-то и обратили на себя внимание Алексея. Это были никогда не виданные им вживую, разве что на книжных и журнальных картинках, индусы. Но он сразу же узнал их по смуглым, словно закопченным лицам, пыльным чалмам на головах, шароварам и длинным белым, но сейчас серым от пота и пыли рубашам навыпуск. На боку у них болтались короткие кривые сабли, на поясах висели кинжалы в ножнах, на плечах — английские карабины.

В центре обоза двигалась легкая коляска. У подъезда гостиницы всадники спешили, а из коляски вышел высокий мужчина, судя по прямой спине и четкой походке — бывший военный. На нем были парусиновый френч, клетчатые бриджи, пробковый шлем, тяжелые походные башмаки с толстой подошвой и крагами. Он нервно ударил зажатými в руке перчатками по бедру и коротко бросил несколько слов через плечо всадникам, видимо, что-то скомандовал. Один из индусов, выше всех ростом и заросший густой черной бородой по самую чалму, последовал за ним в гостиницу, остальные остались у входа в нее.

— Ишь, налетели басурманы, точно кошка на сметану! — Иван привстал со скамьи и даже вытянул шею, чтобы рассмотреть, что происходит возле гостиницы. Но пыльные заросли акации мешали обзору, и он предложил: — Давай-ка ближе подойдем. — И пояснил: — Слышал я, что должна к нам прибыть экспедиция какого-то англичанина. Говорят, то ли руды какие ищет, то ли букашек изучает.

— Стража у него сердитая, — усмехнулся Алексей, — явные головорезы. И вооружены тоже не против букашек.

— Да, винтовочки у них знатные, — согласился Иван, — только в наших краях, сам знаешь, без хорошей охраны вмиг без головы останешься.

ГЛАВА 2

Они заняли удобную позицию напротив входа в гостиницу и сделали вид, что поглощены разглядыванием витрины ювелирного магазина Вайтенса. В ней прекрасно отражались и обоз, и лошади, и угрюмые индусы, которые присели на корточки в тени здания, поставив карабины между колен, а также огромная реклама страхового общества «Изнуренов и сын», сверкавшая обилием красок на здании, расположенном рядом с гостиницей. Индусы изредка перебрасывались короткими фразами, но большей частью молчали, кидая хмурые взгляды на зевак, заполнивших тротуар напротив, да покрикивали на вездесущих мальчишек, снующих между телегами:

— Away! Go away!¹

— Ишь ты! Командуют как у себя дома! — пробурчал Иван. — Чего они там?

— Отгоняют мальчишек от телег, — пояснил Алексей.

По мостовой проехало несколько колясок с откинутым верхом. Извозчики громко ругались: приходилось заезжать на тротуар, чтобы обогнуть телеги с грузом. Появился городской с длинной шашкой на боку. Летняя фуражка, обтянутая белым чехлом, не спасала от жары. Он то и дело снимал ее и вытирал бритую голову огромным платком, но поста своего не покидал и покрикивал на бестолковых извозчиков, чуть не сбивших колесами водяную колонку у края тротуара. Индусов он не трогал и посматривал настороженно: видимо, не получил приказа, как с ними следует поступать.

В этот момент из-за угла вывернула длинная дощатая телега, на которой высилась гора перевязанных цепями бревен. Тянула ее невзрачная мосластая лошаденка, а управлял ею совсем уж никудышный мужичонка в рваном армяке и войлочном капелюхе. Завидев телегу, городской выскочил на мостовую ей наперерез и подхватил лошаденку под уздцы.

¹ Прочь! Убирайтесь прочь! (англ.).

— А ну, подай, подай назад! Живей, свиное рыло! — заорал он истошно и, когда возница подчинился, замахал руками: — Давай в объезд! Давай, давай!

Телега со скрипом и грохотом разворачивалась поперек улицы. Возчик принялся нещадно хлестать несчастную животину плетью, побуждая ее руганью и угрозами вывернуть повозку на середину мостовой. Городовой, в свою очередь, тянул лошадь за уздцы, рвал мундштуком рот и выражался не менее щедро. С трудом, но они достигли успеха, развернув лошаденку и телегу в нужном направлении. Возчик взгромоздился на свое сиденье, и повозка, тяжело грохоча колесами по булыжникам мостовой, скрылась за поворотом.

В этот момент индус с черной бородой вышел на крыльцо и что-то громко прокричал, видно, на родном языке, так как Алексей не понял ни единого слова. Сидевшие индусы молча поднялись на ноги, перекинули карабины на спину и столь же молча вскочили на лошадей. Из коляски показалась голова еще одного человека, худого и светловолосого. Виден был только его затылок, однако, судя по движениям, его хозяин был молодым и энергичным человеком. Он жестом подозвал к себе бородача. Тот выслушал его, беспрестанно кивая головой, затем вновь что-то прокричал всадникам. Его лошадь ухватил под уздцы один из индусов, а сам чернобородый вернулся в гостиницу.

Пассажир коляски махнул рукой, и вся кавалькада медленно двинулась по улице вслед за ним, но без душевраздирающих криков и ругани, столь обычных для русских обозов. Возчики и погонщики лошадей лишь изредка что-то гортанно выкрикивали и взмахивали бичами, подгоняя своих подопечных, да громко скрипели колеса телег и стучали по камням мостовой хорошо подкованные копыта.

Алексей и Иван проводили обоз и всадников взглядами. Человек в пробковом шлеме остался в гостинице, а чернобородый индус, судя по всему, был его слугой или охранником.

— Да-а, — покачал головой Иван, — такая свора да на

бедных блошек-букашек... — И словно поперхнувшись, на мгновение смолк, а потом тихо произнес: — Гляди, только не верти головой! Филеры Ольховского пасут кого-то! Левее, левее! — прошипел он недовольно, заметив, что Алексей смотрит в противоположную сторону.

Тот повернул голову в нужном направлении и сразу же увидел бродягу, который со скучающим видом медленно брел по тротуару с калачом в грязных руках. То и дело он толкал кого-нибудь плечом, и прохожие сердито огрызались на него. Но он, не обращая на негодующие выкрики никакого внимания, раз за разом откусывал от калача изрядный кусок и, остановившись возле очередной витрины, рассматривал выставленные там товары с не меньшим тщанием, чем Алексей или Вавилов.

По противоположной стороне улицы вышагивал взад-вперед почтенного вида господин в котелке, светлом полотноном костюме и с букетом в руках. Он то и дело поглядывал на уличные часы и вытирал обильный пот носовым платком. При этом его маленькие глазки по-рысьи сосредоточенно изучали лежащую перед ним улицу, ни на чем не останавливаясь, но ничего и никого не пропуская. По всему было видно: предстоящее свидание волнует господина не больше, чем бродягу товары, выставленные в витринах самых дорогих магазинов города.

— Я их знаю, — пробурчал за спиной Алексея Вавилов. — Лучшие агенты Ольховского. Начинали с простых филеров, поэтому кого угодно вокруг пальца обведут, но только не нас с тобой, — произнес Иван назидательно и кивнул головой в сторону бродяги. — Тот, который с калачом, — Кошей. Цепкий, как клещ. Еще не было случая, чтобы упустил кого из-под наблюдения. Второй, с букетом, Тумак. Этот тоже ловок, но при задержании. И стреляет, будь здоров, особенно по движущимся мишеням! Так что наверняка крупная птичка у них на поводке. — Он огляделся по сторонам и задумчиво произнес: — Нет, обоз их не интересует, хотя, как сказать, возможно, за ним тоже своего человека направили. Мы ведь не сразу их заметили.

— Может, филеры ждут, когда англичанин из гостиницы выйдет?

— Да кто их разберет? — вздохнул Иван и махнул рукой: — Пошли! Наше дело — сторона!

Они отошли от витрины, и тут же Иван схватил Алексея за рукав:

— Гляди!

Филер с букетом неожиданно уронил его себе под ноги и нагнулся, чтобы поднять рассыпавшиеся цветы.

— Кажется, знак подал, — прошипел Иван и толкнул Алексея: — Точно! Смотри! Монашка!

Но Алексей и сам заметил, как из-под арки между двумя домами вынырнула высокая, судя по походке, женская фигура в длинном черном одеянии с низко надвинутым на лицо капюшоном. Подпоясывала эту пыльную и довольно ветхую хламиду разлохмаченная веревка. А в правой руке монашка сжимала длинный посох с крючком на конце, напомнивший Алексею своим видом ерлыгу, которой чабаны ловят овец за заднюю ногу.

Спина ее была слегка согнута, голова вытянута вперед: ни дать ни взять древняя бабуса, плохо видящая перед собой дорогу. Только для древней бабуси она передвигалась слишком легко и быстро. «Монашка», постукивая посохом, почти бежала к одной ей ведомой цели и вернулась за угол, как и обоз, в направлении постоянного двора.

Правда, на углу она на мгновение замедлила бег и бросила быстрый взгляд через плечо. И даже не походка, а этот поворот головы, резкий, совершенно не свойственный ее преклонному возрасту, заставил Алексея и Ивана переглянуться. И не сговариваясь, они поспешили следом.

Народу на улице в этот час было немного. Молодая нянька в сатиновом платье и белом переднике прокатила навстречу им плетеную из лозы детскую коляску. Медленно прогуливалась вдоль витрин магазина дородная дама со шляпной картонкой в руках. Шмыгнул с одного места на другое, убегая от солнца в тень, чистильщик сапог...

Тротуар перед ними был абсолютно пуст. Забывший

про цветы Тумак спешил вслед за «монашкой» и тоже исчез за поворотом. Клещ пересек мостовую, нырнул под арку, и тут же из питейного заведения «Теремок» вывалился мужик в стоптанных сапогах и в армяке и шмыгнул следом за ним.

— Проходными дворами рванули, — прошептал одними губами Иван и показал глазами на арку: — Давай — туда!

Они убыстрили шаг и уже почти достигли арки, когда дорогу им заступил рослый офеня с лотком, на котором громоздились календари, дешевые книжонки, открытки с видами Кавказа, ластики, гребни, заколки и прочая на первый взгляд непонятная дребедень.

На какое-то мгновение широкая спина офени заслонила им обзор, но Иван ловко нырнул ему под локоть и юркнул в арку. Алексей попытался обойти торговца справа. Тот искоса метнул на него угрюмый взгляд и прибавил ходу.

Тогда Алексей ступил на мостовую, легко обошел офеню и почти побегал, лавируя между невесть откуда взявшимися оборванными цыганскими ребятишками, обступившими продавца с бубликами и наседавшими на него с отнюдь не детской наглостью. Будь у него время, Алексей непременно бы вступился за чуть не плачущего от досады паренька лет пятнадцати, которого грязные ручонки ободрали почти как липку, оставив на связке два бублика...

Алексей достиг поворота, бросил взгляд на витрину огромного магазина, принадлежавшего компании Булавина. Офеня был тут как тут и отразился в ней до самых носков юфтевых, приспущенных гармошкой сапог. Но не повернул вслед за Алексеем, а пересек улицу и остановился в тени дома напротив. Несколько женщин просто-го вида тут же окружили торговца и принялись рыться в хламе, сваленном на его лотке.

Но Алексей тут же забыл и про офеню, и про его покупательниц. Он заметил Тумака. Филер почти приклеился к спине «монашки». А она, сгорбленная, с вытянутой вперед шеей, продолжала быстро, чуть ли не вприпрыжку мчаться по тротуару. Неожиданно из проходного двора

навстречу ей выскочили Кощей и мужик из «Теремка». «Монашка» словно споткнулась на месте, спина ее выпрямилась, а посох она перехватила двумя руками и выставила перед собой.

Тумака наседали на нее сзади, впереди плечом к плечу наступали два дюжих агента с недвусмысленными намерениями, которые читались в их глазах. В этот момент Иван тоже выскочил из-под арки. Руку он держал за пазухой. Кажется, назревало что-то серьезное. Алексей быстро огляделся по сторонам. Офеня, избавившись от покупательниц, почти бегом пересекал улицу... Дама со шляпной коробкой ехала по мостовой в коляске с откинутым верхом и, привстав, наблюдала за тем, что творится на тротуаре.

Вдруг «монашка» резко прыгнула назад. И, развернувшись что было сил, хлестнула Тумака посохом по ногам. Тот вскрикнул и повалился на мостовую. Кощей и его напарник, вытянув из-за поясов револьверы, молча бросились на бывшую старушку. Но она опять прыгнула. И опять посох прошелся по агентам. Била она крючком. Кощей, схватившись за голову, упал на колени и тут же завалился на бок, а его напарник удержался на ногах, но зажал лицо ладонями. Из-под его пальцев струей хлынула кровь.

«Монашка» же резво покинула место схватки. Ноги ее так и мелькали из-под балахона, края которого она подхватила руками.

А по мостовой уже вовсю мчалась пролетка с дамой со шляпной коробкой. Правда, вместо картонки дама сжимала в руке пистолет и кричала неожиданно грозным басом:

— Стой! Стой! Стрелять буду!

Пролетка поравнялась с «монашкой». Лошадиная морда с крупными желтыми зубами взметнулась над ее головой. «Дама», подхватив юбки, из-под которых виднелись грубые мужские башмаки, занесла ногу, чтобы спрыгнуть на тротуар, но «монашка», развернувшись, нанесла ей мгновенный тычковый удар посохом прямо под ребра. «Дама» по-лягушачьи коротко вякнула и упала на-

взничь на дно коляски. «Монашка» опять крутанулась на месте и тут же попала в объятия Ивана.

— Держи ее! — Алексей бросился к нему на помощь.

«Монашка» в бешенстве что-то выкрикнула, метнулась всем телом, словно шука с крючка, но Иван держал ее крепко. Причем прижал руки женщины вместе с посохом к телу, лишив ее свободы маневра. Пленница рванулась опять, и капюшон с узкой красной каймой по краю слетел с ее головы. Под ним оказался черный платок, который по-раскольничьи низко закрывал ей лоб. Но даже то, что оставалось открытым взгляду, подтверждало: женщина была молода, даже очень молода, лет двадцати, не больше. Огромные карие глаза ее в густой щеточке ресниц метали молнии. Крылья тонкого носа раздувались и опадали. «Монашка», казалось, дымилась от дикой, почти первобытной ярости. И даже зарычала, когда в очередной раз ей не удалась еще более отчаянная попытка освободиться от захвата. Но Иван держал ее изо всех сил...

Алексей затолкал револьвер за пояс брюк и перешел на быстрый шаг, не сводя взгляда с незнакомки. Балахон ее был из грубой, крашенной в черное ряднины, ветхой и грязной. При прыжках из-под него мелькали сапоги, больше похожие на мужские, чем на женские. А на указательном пальце левой руки «монашки» Алексей разглядел широкое серебряное кольцо, на котором были выгравированы какие-то слова, похоже, древней славянской вязью.

— Ну, баба попалась! Чистая аспида! — пожаловался Иван приятелю и, несколько ослабив хватку, попытался вырвать посох у «монашки» из рук. И напрасно! В этот момент она и впрямь по-змеиному извернулась, лягнула Ивана ногой и, перехватив посох двумя руками, так толкнула им в грудь Вавилова, что тот отлетел в сторону, как пушинка. И если бы не стена дома, к которой он приложился спиной, непременно свалился бы на тротуар. Алексей все же успел ухватиться за посох, но «монашка» с такой силой крутанула его вместе с клюкой вокруг себя, что он лоб в лоб столкнулся с офеней.